

ФОРМУЛА ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Понятие глобализации – это социальное понятие, означающее расширение сферы какого-либо явления до масштабов всеобщности человеческой жизни. До недавнего времени проблема ограничивалась глобализацией воздействия человека на окружающую природную среду, имеющего своим следствием истощение и загрязнение природной среды в ходе материального производства или иного воздействия, например, в военных целях. Теперь речь идет о глобализации техники, экономики, политики, социальной и духовной сферы, т.е. о глобализации общественной жизни вообще, но, прежде всего, экономики. По всем показателям своего бытия общество превращается в целостную систему, элементы которой оказываются связанными друг с другом.

Предметом оживленных дискуссий на всех уровнях, – в правительственных и деловых кругах, научном сообществе и средствах массовой информации, на партийных форумах и бытовом общении, – является деятельность транснациональных корпораций, международных политических надправительственных структур, свободное движение товаров и услуг, технологий и информации, капитала и рабочей силы. Одни видят во всем этом прогресс, другие выражают сомнения и страх, третьи консолидируются в антиглобалистские организации и устраивают демонстрации протеста, перерастающие в побоища.

В качестве отправного пункта в теоретическом объяснении глобализации можно использовать всеобщую техносоциальную формулу общественного развития, которая выражается в том, что в процессе материального производства масса необходимых затрачиваемых ресурсов в совокупности всех своих составляющих постоянно опережает массу получаемых ресурсов жизни. В результате само производство может осуществиться только в рамках отношения господства и подчинения как в индивидуальном, так и в межобщностном плане.

Положительная величина эффективности производственного функционирования общественной системы, будь то отдельное предприятие, целая историческая общность или объединение нескольких общностей, может быть достигнута либо за счет низких затрат на рабочую силу, энергоносители и сырье, либо за счет высоких цен на готовую продукцию. Низкие затраты на рабочую силу означают эксплуатацию работников (своих или чужих), низкие затраты на энергоносители и сырье указывают на их колониальное происхождение, высокие цены на готовую продукцию возможны либо на основе силовой монополии, либо на основе достижений научно-технического прогресса, передовых технологий. Но в любом случае положительная величина эффективности производственного функционирования общественной системы необходимо предпо-

лагают ее подпитку извне за счет отрицательной величины эффективности функционирования другой общественной системы, будь то классы или слои внутри одной исторической общности, или целые общности в рамках систем межобщностного взаимодействия.

Динамика доглобального мира определялась наличием свободных общественных связей и свободного географического и социального пространства, географической и социальной разрозненности. За последние триста лет в Европе появились Россия и Германия, в Америке образовались США, в Азии высоко взлетела Япония, обрели самостоятельность гиганты Китай и Индия. Вместе с тем, в XX веке с карты исчезли османская и австро-венгерская империи, развалились колониальные системы Англии и Франции, распался Советский Союз и т.д. В глобальном мире пространства заполняются и становятся однородными, связи и отношения обретают постоянство.

Эффективность функционирования любой отдельно взятой общности, рассматриваемой в качестве производящей системы, необходимо снижается в условиях ее изолированного существования, поскольку в этом случае, с одной стороны, неуклонно истощается ресурсная база, а ее расширение обходится все дороже; с другой стороны, истощаются возможности минимизации затрат на содержание участников общественного производственного процесса за счет уменьшения их занятости и снижения уровня жизни, включая условия труда. Однако в ходе межобщностного взаимодействия, в основе которого лежит борьба за выживание, более организованные общности наращивают ресурсный потенциал и повышают эффективность его использования за счет эксплуатации других, менее организованных общностей. Глобализация экономики ведет к истощению этого резерва повышения эффективности в той мере, в какой исчезает не занятое, свободное от эксплуатации социальное пространство. В глобальном мире нет ни свободного географического пространства, являющегося дополнительным источником природных ресурсов, ни свободного социального пространства, являющегося дополнительным источником трудовых ресурсов. Глобальность мира означает его полную занятость и поделенность, человечество еще не переживало такого состояния и потому никто не может достаточно обоснованно (вне лозунгов и пророчеств) сказать о том, что будет дальше.

Глобализация превращает дискретное человечество, состоящее ранее как бы из многих человечеств, в единую систему социального взаимодействия, т.е. в единое человечество, но не делает его единым субъектом социальной жизни, поскольку в нем, как единой системе, нет равноправия всех элементов. В тенденции, хотя и не в конечном итоге, происходит формирование двух полярных элементов – господствующего и под-

чиненного. Первый организован и социально сплочен, второй дезорганизован и разобщен.

Современная система отношений господства и подчинения становится предельно обобществленной, опосредствованной отношениями так называемого открытого, демократического общества, в котором формируется система постэкономического принуждения, когда насилие осуществляется даже не через собственность на средства производства, а через технологию, информацию. По сути становится не так важно – кому принадлежат ресурсы природы, как то – кто умеет их использовать.

Отсюда и политические (с экономической подоплекой) лозунги – демократия, открытость, права человека, плюрализм и пр. Рыночные отношения становятся главным способом превращения одних общностей в средство других общностей. Для установления господства в таком обществе не надо завоевывать территории, не надо вывозить сырьевые ресурсы, достаточно иметь монополию на информацию. Главной опасностью для общности становится ее информационно-технологическая отсталость.

С одной стороны, идет процесс нарастания социальной энтропии: свободное передвижение товаров, услуг, финансов, информации, рабочей силы и т.д. Но, с другой стороны, все это имеет своим результатом концентрацию самого передового, самого лучшего в одних местах и деградацию, опустошение других мест. Либерализация жизни на уровне индивидов обеспечивает концентрацию наиболее дееспособного населения в лидирующих общностях, составляющих центр глобального мира. Следовательно, глобальный мир, как система взаимодействующих и взаимозависимых общностей, глубоко дифференцирован и на этом структурном уровне не может быть демократическим.

Глобализация общественной жизни означает ее всеобщую стандартизацию, унификацию, включенность индивидов и общностей в единую систему взаимосвязанных элементов, которая формируется путем подчинения одних элементов другим, а в конечном счете определяется единым системообразующим центром. Глобальный мир, в идеале предельно обобществленный и специализированный, в соответствии с техносociальной формулой общества необходимо разделен по схеме “центр – периферия”. Вопрос в том, каково содержание и формы этого центрo-периферийного разделения? В цивилизациях всегда был центр, но сосуществующих цивилизаций было достаточно много. Означает ли становление глобального мира складывание единой цивилизации? Это сугубо абстрактный вопрос, не имеющий определенного ответа. Глобальный однополюсный мир представляет собой скорее идеальную модель, чем действительно существующий объект.

В процессе глобализации в равной мере имеют место и выступают в качестве средства расширения системы социального взаимодействия сотрудничество и соперничество, единство и борьба. Вопрос в том, кто с кем и как сотрудничает и борется? В настоящее время передовые страны более солидарны друг с другом в своих отношениях с отстающими странами. Напротив, отстающие страны менее солидарны друг с другом в этом противостоянии. У передовых стран большая заинтересованность и больше возможностей для координации своих действий.

Основу, главное содержание глобализации, как интеграции, формирования единой системы общества, составляет борьба, присоединение, насаждение, распространение тех или иных элементов, установление господства друг над другом, а не их взаимовыгодное объединение. Объединение одних, как правило, направлено против других. Содержание техносциальной формулы общества не меняется, поэтому, в каких бы формах ни шел процесс глобализации, ее движущей силой остается борьба за выживание, понимаемая не как уничтожение конкурента или иное вытеснение его из жизненного пространства, а как превращение одних в средство существования других. Следовательно, и сотрудничество, и соперничество являются средством борьбы за выживание, — такова объективная диалектика социальной жизни.

Понятие борьбы за выживание имеет давнюю историю и является широко употребительным. Однако объяснение самому феномену борьбы дается либо натуралистическое (ограниченность ресурсов природной среды), либо психологическое (врожденная агрессивность и эгоистичность человека), но в обоих случаях сугубо феноменологическое, поверхностное. Разработка социально-научной модели общества, теоретически объясняющей борьбу за выживание как фундаментальное социальное отношение, находится на начальной стадии.

В глобальном мире отношение лидерства и отсталости общностей одновременно предполагает отношение господства и подчинения. Насилие, связанное с ним, страшно своей неотвратимостью. В отличие от природы, где жертва может спрятаться, убежать от преследования, в глобальном мире некуда убегать и негде прятаться, в нем можно только бороться и либо побеждать, либо терпеть поражение. Глобализация надвигается на недостаточно устоявшиеся общности и недостаточно уверенных в себе индивидов, она представляется им источником опасности, грозящей раздавить.

Глобализация техники, экономики и даже политики вполне поддается рациональному объяснению и описанию, она по-разному оценивается, но принимается как объективный процесс, данность объективной реальности. Духовная жизнь тоже глобализируется, национальные различия размываются, мифы развеиваются, по мере осознания техносциальной

формулы общества духовная сфера рационализируется. Но вместе с новым типом рациональности возникают и новые типы мифологии, будучи отражением новых типов исторической общности. Однако, если в технике, экономике, политике “чужие” достижения заимствуются и принимаются достаточно спокойно, то в области духовной культуры “чужое” чаще воспринимается как враждебное, — духовная сфера оказывается наиболее чувствительной к разрушающему воздействию извне, реакция отторжения в ней является следствием действия инстинкта самосохранения общности.

В современном мире больше некого и нечего завоевывать в старом смысле этого слова, мир к XXI веку полностью освоен и поделен. Но борьба за выживание остается. Однако стихийная неупорядоченность, спонтанность и хаотичность войны, как средства урегулирования международных отношений, в эпоху глобализации сменяется упорядоченностью и регулируемостью наказания или уничтожения противника, с одной стороны — четко спланированными террористическими актами, а с другой — экономическим санкциями и точечными ракетно-бомбовыми ударами по выборочным целям. Война, в соответствии с техносоциальной формулой, принципиально не может быть устранена из жизни общества. В глобальном мире с его всеобщей взаимозависимостью элементов любой конфликт вызывает цепную реакцию противостояния, эскалацию насилия и раскола. Глобализация означает переход к всеобщей непрерывной войне, которая по сути и является мировой войной и которая по причине неравномерности общественного развития всегда таит опасность перерастания в глобальный военный конфликт с очередным порядковым номером в хронологии мировой истории.

Абсолютная либерализация общественной жизни необходимо оборачивается свободой действий одних по отношению к другим. Она выражается в установлении всеобщего жесткого порядка отношений господства и подчинения. Поэтому не случайно, как это ни кажется парадоксальным, активнейшими участниками бурных выступлений против глобализации являются анархисты.

Глобальное общество можно рассматривать как практическую реализацию модели информационного общества. Господствует тот, кто владеет информацией — научно-технической, производственно-экономической, социально-политической, а владеет информацией тот, кто способен ее произвести, купить или просто снять с мировой информационной сети, будучи в состоянии обзреть и процедить все информационные потоки в мире, вплоть до бытовых телефонных разговоров. В этом тотальном просматривании и прослушивании, всеобщем контроле и регулировании человеческой жизни понятия прав и свобод переводятся в какую-то иную

плоскость и утрачивают реальное содержание. Таким образом, либеральное общество в глобальном мире переходит в свою противоположность.

В ходе функционирования и развития общности накапливается масса непроектируемых элементов, функция которых сводится к поддержанию ее целостности. Характер целостности является одной из составляющих геосторической формулы общности. У России в этом смысле неблагоприятная формула: большая и резко дифференцированная территория, значительная часть которой неблагоприятна по условиям жизни и ведения хозяйства; объективно обусловленная недостаточность коммуникаций; непреодолимо глубокая социальная дифференциация населения, — все это и ряд других объективных и субъективных факторов требует расходования дополнительных ресурсов для поддержания целостности России, и глобализация мировой экономики, сопровождающаяся либерализацией всей общественной жизни, оказывается разрушительной силой, воздействующей на российскую целостность.

В соответствии с техносциальной формулой, которая обуславливает наличие в обществе социальной дифференциации и насилия в организации производства как внутри общности, так и в ее взаимодействии с другими общностями, возможны два основных типа организации общности, теоретически представляемые централизмом и либерализмом. В зависимости от положения общности в мире (изоляция, господство—лидерство, подчиненность—отсталость) складывается баланс соотношения централизма и либерализма.

Объективная противоречивость общественного развития, мучительность выбора между централизмом и либерализмом обуславливает непрекращающиеся попытки провозглашения некоего третьего пути. Для России они особенно типичны, и русская общественная мысль всегда претендовала на то, чтобы открыть и показать миру этот третий путь, установить его у себя и предложить пойти по нему всему человечеству.

Напротив, Китай являет собой характерный пример централизма как условия удержания стабильности общности, в которой даже переход к рыночным отношениям, т.е. к крупномасштабным элементам либерализма, был осуществлен в рамках стратегической государственной политики. Китай — это пример отношения власти к общности как к своему хозяйству, пример централистской иерархии во все времена китайской истории. Он может быть низвержен только путем разложения изнутри, при помощи тотальной либерализации, как это случилось с Россией—СССР, которая в очередной раз стала жертвой междоусобицы, но уже не в ходе военного нашествия, а в процессе экономического давления. Россия всегда имела повышенное внутреннее напряжение, сдерживаемое центральной властью и разрушающее ее целостность при ослаблении власти.

Вопрос о том, может ли Россия, по крайней мере, восстановить свое самостоятельное положение в теперь уже глобальном мире, не говоря о том, чтобы занять лидирующие позиции, не определяется, как это было ранее, факторами пространства, народонаселения и сырья. Какие новые открытия и изобретения дали бы России преимущества, этого не знает никто.

В ускоряющемся процессе глобализации формируется совсем другая конфигурация мира, для России все определится местом в ней. Но сама конфигурация не вырисовывается спонтанно и не предзадана свыше, она складывается в результате бескомпромиссной межобщностной борьбы на выживание. Вот где главное поле и направление деятельности российской власти.

Нынешняя ситуация, когда обуславливающие российскую жизнь факторы (нефть и газ) находятся в частных руках, а определение места России в глобальном мире зависит от власти, является объективно противоречивой и конкретно для России неблагоприятной, ненормальной. Частная деятельность либеральна по своей природе, частнику все равно в какую целостность вписываться, лишь бы это давало экономический эффект. В глобальном либеральном мире Россия, как общность, для частника является отвлеченным понятием, ему нужны приемлемые налоги, а не национальные приоритеты. Для России всегда было самым трудным делом соединение интересов власти и собственности (общества и личности), а в конечном счете — просто совместно живущих людей.

Лидирующие и отсталые общности, помимо всего прочего, различаются по степени противоречия в отношении “личность — общество”. В России это одно из самых острых противоречий в силу духовной развитости человека, сильного экзистенциального напряжения в нем. С одной стороны — высокое переживание по поводу особой миссии России в мире, а с другой — ощущение ничтожности маленького человека. Извечное поэтическое доминирование общественного над личным реализуется в прозаическом господстве одних людей над другими. Общественного, как такового, не существует, потому и сильно противоречие между личным и общественным, ибо это противоречие между самими людьми.

Современное состояние России, как общности, требует максимально возможного централизма. Но еще раз национализировать нефть и газ не будут, по крайней мере сейчас, разве что только после полного разорения, краха, чтобы спасение одних “трудящихся” переложить на плечи других трудящихся. Таким образом, положение в России объективно противоречиво, главным условием удержания ситуации под контролем остается наличие сильной централизованной власти при всех свойственных ей недостатках и сопутствующих издержках. Вот в чем смысл трудности исторического выбора России.

Надо понять одну простую, но очень жестокую истину: борьба за выживание объективно исключает какие бы то ни было компромиссы и в доведенном до логического конца виде представляет собой борьбу на уничтожение. А такой конец всегда становится действительностью при непосредственном столкновении интересов за жизненное пространство, понимаемое как жизненные ресурсы вообще. Здесь бессмысленно искать некие нравственные барьеры. Борьба культур, цивилизаций, этносов (как бы ни называть) могла быть борьбой на вытеснение, пока существовал резерв пространства в буквальном смысле, в которое и вытеснялись слабые общности более сильными. Достижение человечеством глобальности в своем развитии означает, что границы общностей (культур, цивилизаций, этносов) сомкнулись и выдавливать им друг друга больше некуда, свободных ниш уже не осталось.

Соответственно, каждая общность должна определить свое место в этом социальном континууме и находить средства для его удержания: политические, экономические, военные, — какие угодно. Специфика России — ее преимущественно оборонительная геополитика, а постоянное расширение России на Восток вплоть до становления огромной империи в решающей мере явилось результатом именно ее выдавливания туда Западом. Кстати, при конкретно-историческом подходе надо заметить, что то было выдавливание в зону отсутствия его жизненных интересов, почти как в никому не нужную пустыню. Но при отклонении от допустимого направления российской экспансии ей об этом быстро напоминали.

Мир стал качественно иным, превратившись в глобальную систему социального взаимодействия. Наряду с традиционными противоречиями между господствующими общностями, борющимися за сферы влияния как за необходимые источники своего существования, четко обозначились линии нового противостояния, новых переделов жизненного пространства. Наиболее явственно здесь прослеживается линия, разделившая мир энергоносителей, представленный главным образом странами так называемого мусульманского мира, и мир технологий в лице западных (в социальном, а не географическом смысле) стран. Оба мира не могут обойтись друг без друга, оба неоднородны сами по себе, оба претендуют на главенство в глобальной системе международных отношений. Безусловно, надо учитывать еще не подкрепленные достаточной реальной силой геополитические претензии азиатских гигантов — Китая и Индии.

В отличие от мира энергоносителей и мира технологий, которые могут диктовать друг другу и остальным свои условия и навязывать правила игры, Россия ничего не может диктовать. Ее специфика заключается в способности жить своими природными, техническими и интеллектуальными ресурсами. Но для этого она должна пойти и своим особенным, как говорят, третьим путем, который означает господство своих ценностей и

своих отношений. Однако предпосылок для такого развития в самой России пока не видно, а налицо примитивная силовая социальная дифференциация, которая ни в малейшем приближении не позволяет говорить о так называемой соборности русского народа.

Россия являет собой пример социально-экологического кризиса как истощения формулы своего развития, что означает не столько загрязнение окружающей среды и истощение природных ресурсов, сколько истощение внутреннего источника авансированного труда.

Абстрактно-теоретическая формула России не фатальна, она не указывает непреодолимых препятствий для занятия Россией XXI века такого же места, какое занимала, например, Англия в XIX веке. Однако конкретный расчет ее геоисторической формулы даже в самом приближенном виде пока что неутешителен.

Для России всегда было характерно состояние переживания перелома, непреходящее тревожное ожидание, вызванное приближением или наступлением новой эпохи. Россия всегда находится в провале между прошлым и будущим. Прошлое отвергается, настоящее не признается, будущее неизвестно. В XVIII веке – Петровские реформы, в XIX веке – 1861 год, в XX веке – 1917 год, – предметом переживания было одно и то же – формирование нового типа общности, ощущение утраты старой, привычной и подлинной России, переживание конфликта отцов и детей. Но в каждом очередном веке уже было невозможно жить так, как жили в предыдущем, и Россия оказалась обреченной на вечный выбор пути. То же можно сказать и о нынешних переменах, навещающих переживание грозящей утраты России, но одновременно предупреждающих о том, что жить в XXI веке так, как жила Россия в XX веке, нельзя. Труднее всего определить, как она должна жить?

В настоящее время Россия освободилась от одного из вечных своих вопросов внутреннего происхождения – “кто виноват?”. Но возник другой вопрос, навязанный извне, – “что будет?”. В его рамках стал совершенно безотлагательным ответ на второй вечный российский вопрос – “что делать?”. Но этот главный вопрос получает свою определенность только в свете самого трудного вопроса – “что мы хотим?”, исходя не из абстрактных идеалов, а из реальности, конкретных возможностей. Только тогда станет ясно, что надо делать, и при наличии сильной направляющей воли будет сделано.

Модель глобального мира с его максимально возможной обобщенностью и плановой управляемостью в определенном смысле тождественна модели всемирного коммунизма “с противоположным знаком”, реализуемого не по схеме абсолютистского прогресса с его неограниченностью роста производства и потребления, а в соответствии с техносоциальной формулой с ее фундаментальным социальным отношением “цель –

средство". Глобальный мир предполагает установление единого мирового хозяйства, единой системы производства с разделением его результатов не по потребностям и не по труду, но даже, возможно, не по капиталу. Рациональному объяснению не поддаются ни модель коммунистического изобилия, ни модель "цель — средство" в едином человечестве. В том и другом случае нет реального стимула общественной деятельности. Остается только борьба за выживание, меняющая формы своей цивилизованности и духовные оболочки мифологизации. В принципе здесь уместно ставить вопрос о переходе к другому типу цивилизации.

Сущностные характеристики глобального мира становятся понятными в свете техносоциальной формулы общества. И наоборот, — лишь глобализация, как новая социальная практика, дала необходимый материал для открытия формулы. Ее осознание ведет к радикальному пересмотру системы социального знания.

Если в XIX веке еще господствует классическая рациональность с ее разумностью бытия и человека, модернизмом и прогрессизмом, то для XX века характерна неклассика с ее иррационализмом, релятивизмом, постмодернизмом, когда человеческая рациональность опрокинута, миром владеет подсознание, толкающее к насилию. Двадцать первый век начался под знаком формулы и обещает переход к неорациональности, т.е. к рациональному пониманию человеческой жизни как борьбы за выживание.

Глобализация общественной жизни, будучи объективным процессом, не подлежит какой-либо социальной оценке, не поддается ценностному измерению вообще. Ее можно и нужно понять, но бессмысленно приветствовать или проклинать. Одновременно она не содержит социальной двойственности и не может быть направлена в ту или иную сторону в аспекте справедливости или несправедливости, ей нельзя придать прогрессивный или реакционный характер. В основе глобализации, как объективного общественного процесса, в соответствии с техносоциальной формулой общества лежит борьба за выживание, являющаяся двигателем социального прогресса. Глобализация является следствием, результатом этой борьбы, а не наоборот. Поэтому альтернативные модели глобализации типа "мировой коммунизм" или "мировой капитализм" методологически столь же бесплодны, как и всякого рода футурологические пророчества. Мы не можем знать, как пойдет этот процесс, но мы должны знать его закон.